

Три стихотворения

1

Как нам быть - если небо кричит?
Если пальцы твои горячи...
светом лампы, застывшей в ночи –
не молчи.....
Как нам быть - если ты облака?
Без конца и без края - река...
вброд нельзя по тебе мне пока - глубока...
Я тобою пропах и зарос,
от ресниц твоих, до первых слез...

2

Увидеть сквозь пальцы небо,
стать синим, прозрачным светом...
Запутаться в ветках вербы,
забыться — однажды летом.
Чтоб камень был мягче - хлеба,
чтоб липа цвела весною...
Проснуться — однажды летом,
и чтоб ты была со мною...

3

Ты просто есть – поэтому я тоже!!!
Мы сядем в жизнь, как в лимузин роскошный!
Мы полетим, помчим по бездорожью –
туда, где жизнь кивает спелой рожью –
таким, как мы июльским, невозможным;
О, Боже, Боже, Боже, Боже, Боже –
Ты просто Есть – поэтому мы тоже!!!

* * *

За эту ночь в сентябрьском дурмане!
За свежесть яблок в брошенном саду!
Живи сто лет и побеждай глазами –
всех проигравших эту высоту.

За хрупкий лед под твердыми ногами,
за солнце, что сгорело не любя...
Живи сто лет и говори с богами –
и пусть они за все простят тебя.

Когда сезон закончится охоты,
и ты шагнешь в бессмертье тополей...
Живи сто лет, люби не по расчету
и никогда любимых не жалея.

За взгляды их и за прикосновенья,
всех утонувших в море бытия...
Живи сто лет в моем стихотвореньи,
когда его уже забуду я...

Люди

А что там будет – если нас разбудят,
и оттолкнут – еще таких горячих?
А что там будет? Ничего не будет.
И я тебя целую. Чуть не плачу.

А что там будет – если в голых ветках,
не спрятаться (и ты – уже не мальчик)?
А что там будет – если не конфетка,
и не тобою выброшенный – фантик?

А что там будет – если жизнь рассудит,
тебя, меня – подбросив, словно мячик?
А что там будет? Если что-то будет...
Ты понимаешь, что все это значит???

* * *

За эти руки, пахнувшие медом,
за это лето с привкусом стыда –
будь для меня - падением и взлетом –
и я запомню это навсегда.

Когда в бреду, в своем небесном платье –
ты в облако сирени, как звезда...
Вдруг упадешь, сама в мои объятия -
и я запомню это навсегда...

И окрик света влажной простынею -
накроет нас, накроет как тогда...
Будь для меня последнею стеною –
и я запомню это навсегда...

За этот рот - вишневый и горячий,
за все грехи, что смыла с нас вода –
будь для меня... бессмертной, не иначе –
и я запомню это навсегда.

* * *

Август – вдохнешь с затяжкой,
выдохнешь хлебный воздух...
«Знаешь. А мне не страшно.
Знаешь. А мне не поздно.
Знаешь. А мне так нужно.
Чтобы ни та, ни эта...
Чтобы в осенних лужах
мне улыбалось – лето»

* * *

То ли осень, как сладкая дыня,
то ли яблоки падают с неба,
то ли улицы стали другими,
то ли пахнет поджаренным хлебом...
То ли мечутся псы в подворотнях,
то ли дух обретает жилище,
то ли все, что случится сегодня,
даст нам завтра здоровую пищу.
То ли буквы приходят словами,
то ли плачут всю жизнь иудеи,
то ли в Мекку идут мусульмане,
то ли это волхвы – чародеи.
То ли рыбы играют с русалкой,
то ли утро встает на Востоке,
то ли мальчика женщине жалко,
то ли просто она одинока...
То ли ждет свой автобус прохожий,
то ли памятник мыслит о плоти...
То ли Ты перепутал нас, Боже,
как одну из небесных мелодий...

Ночной стишок

Горел Восток с глазенками японца,
размешивал в ее стакане солнце;
судьбой известной, как огромной ложкой,
где жизнь у ног ее ласкалась кошкой.

Ты выходил нестройной теоремой;
землей в квадрате, неуместной темой,
последним самураем на планете –
с мечом коротким... зайцем и медведем...

* * *

За дверью – снег,
На облаке надежда...
Стой, как во сне –
не думай об одежде.

Смотри в окно,
перебирай страницы.
Там за стеной –
уже проснулись птицы.

Они кричат,
прокусывают дыры
клыки волчат –
грехи чужой квартиры...

где пол скрипит,
и спит с котом старуха...
и все стихи –
жизнь слушает вполуха.

Где пироги,
утробы набивают –
и все враги,
внезапными бывают...

Дыши на – Юг,
и радуйся на – Север!
Твой лучший друг –
забытый в поле клевер.

Твой лучший враг –
попутчик до рассвета...
Будь сир и наг –
и ты постигнешь это.

* * *

Ты никогда такой не снилась мне,
когтистой болью, яростною кошкой
чтоб крови из меня попить немножко,
чтоб я тебя разгадывал во сне.
Твой мир ползет улиткой между стен,
и я его отчетливо запомнил,
хоть это было вовсе нелегко мне,
любить тебя - горячей в темноте...
Мы - огурцы пупырчатые в банке...
Но явно кто-то нас пересолил.
(по полочкам глухим распределил)
И кровь густея, капает из ранки
Как ящерица, теплая, живая –
Она во мне лопочет и играет,
чтоб я ее сейчас остановил!
Но жизнь, она всегда такая сука!
По ребрам бьет, а иногда и в пах...
С презрением, с усмешкой на губах
(А иногда имеет нас по кругу...)
Тебя, ее, потом опять меня...
Чтобы всем нам вместе было спать удобно
В своих мечтах, в порывах благородных,
в сыром апреле, на исходе дня...
Я эту жизнь ни капли не виню,
когда земля кишасим виноградом,
плывет во мне таким небесным садом,
что режет все сомненья на корню.
Но, я ее отчаянно хочу!
Она в моих стрекочущих сосудах!
Бежит к тебе. Тебя я не забуду...
(и знаю, что уже не закричу)
Но все равно, за твой вишневый цвет,
(какой я никогда тебя не видел)
за выпитую кровь я не в обиде...
Поверь, ее ни капли больше нет.

Разговор по душам

*Твоя судьба кричала громко
когда в руках катала сливы
она хотела быть счастливой -
и разрешилась в Тель-Авиве
тобой, израильским ребенком!*

Записать тебя в телефонную книгу,
незаполненную чужими номерами...
выпасть первым снегом на запывавшие за окном ветки,
представить тебя рябиной или девочкой на ветру.

Украсть одну фотографию, из твоего детства,
на которой море и купаются люди...
А потом положить ее прямо у сердца,
чтобы она грела твоими глазами

Чтобы твои ноги не утруждались длинной дорогой,
а яблоко висело прямо над головой.
Колесо жизни крутится в обратную сторону,
и вот – мы дети с тобой.

Я правда думаю, что небо лучше, чем кажется,
И люди целуют друг друга не на прощание,
а надеясь на скорую незапланированную встречу,
где-нибудь возле афиши или Макдоналдса.

Кто-то оставил свои перчатки в твоём кармане.
Ты знаешь, я никогда не был в Иерусалиме.
Но очень хочу, чтобы мы туда поехали вместе,
.....
«Извини милый, что перебиваю –
доешь за меня, пожалуйста, шаурму.»

Городской романс

Я тебя угадал по губам –
по кошачьим, изящным повадкам...
Ты вцепилась в меня мертвой хваткой,
догнала по горячим следам...

Ты стояла в высокой траве,
я вошел в твои губы, как будто –
прокатился по новым маршрутам,
в первый раз оказался в Москве.

Ты сказала, что жарче меня –
никого из мужчин не встречала
только небо нас в травах качало –
только ты улетала, и я...

А потом мы пошли на Арбат,
и купили на счастье подковы,
чтобы нас покатал дядя Вова
по Москве, пригласив в свой «фиат».

Мы помчимся на ВДНХ,
в парк Измайловский, и на Ордынку!
Две подковы, как две половинки
станут целую частью стиха.

И не надо уже понятых,
и свидетелей лишних – не надо...
Ты меня напоишь своим взглядом,
с рук накормишь своих – *золотых!*

Постскриптум

Сказала упрямо премудрая жизнь;
«Я высеку пламя из грешной души!»
В ответ же ей вечность – смолчала сквозь сон
«Возьму человечка, и брошу в огонь!»

Девушка в ночи

Закрой глаза, и поднимись на крышу –
Там сны твои – дерутся с тишиной
Ты веришь в сны? - Я их ночами вижу...
Они дерутся, но не спят со мной...

Там за окном так много сплетен было...
Стоял за дверью – каменный урод.
Ты любишь их? - Я их всегда любила...
(а он в дверях жует свой бутерброд.)

Без колбасы, с начинкой из сирени –
Он просто жил, когда ломался лед.
Но ты молчи – из всех стихотворений
Он выбрал ту, которая поет.

А кто она? С какими волосами?
И есть ли жизнь, когда его здесь нет?
(она бездарно хлопает глазами,
а он другой несет из роз букет)

Не бойся жить и верить до могилы,
что эта жизнь и ложь – ваш общий крест...
Он был твоим, но ты его убила
и твой пломбир – никто уже не съест.

Но жить во сне, когда глаза открыты
так нужно всем, чтоб видеть эту тьму.
И ждать трамвай на улице забытой...
И вдруг понять, как ты нужна ему.

Голоса

Когда приходят ночью голоса –
Наполеона, Будды, серой кошки,
с зелеными глазами древней жрицы...
О, если бы она любить умела –

она была бы первою царицей...
Но это ты – родился мелкой сошкой.
без языка, без голоса, без тела...
Но самый красный – самый оголтелый!

Вот я тебя – помучаю в объятьях,
ты у меня – побегаешь по полю,
как дикий варвар в новомодном платье,
как пионер в советской средней школе,

как самодержец без короны царской...
За все твои претензии и цацки –
я вылеплю из глины это тело,
и брошу в печь, чтобы оно горело!

Чтоб плавилось, по швам трещало, пело,
как басурманин – в шапке Мономаха...
Чтоб память лет, как красная рубаха,
как кровь на Куликовом поле, рдела...

И чтобы нас любили и жалели –
в сыром апреле, в голубой шинели.
Когда приходят ночью небеса,
и кто-то платит за твое молчанье –

мурлыканьем кошачьим, хитрой бровью,
недобрым глазом и тупым мычаньем,
а иногда – последнею любовью...
А утром в травах – медная роса.

Я знаю, что душа превыше тела...
Она как шарик – в небо улетела...
Пересчитав – трамваи, числа, дни,
слетев с катушек, дотянувшись к звездам –

мы жадно пьем – степной, бессмертный воздух
и вот тогда приходят к нам – они,
все голоса, что нас убить хотели,
когда вчера мы были на пределе,

когда вчера мы приоткрыли – бездну,
как Новый год, как – занавес железный.
Когда светло – мы видим наши тени,
и голос свой – что падает к нам с неба.

Его берем мы в руки в исступленьи –
и отдаем – на растерзанье людям,
которых каждый раз предсмертно любим,
которых кормим – молоком и хлебом!

Которые сирень ногами топчут,
а мы их тянем, а они гогочут...
И вот тогда – уходят голоса...
А утром в травах – медная роса.

* * *

По весне – ухожу в твои чащи, как будто в запой.
А где-то шахтеры в касках – уходят в забой...
Колокол храма над Родиной – БОМ, БОМ, БОМ!!!
А я в синие дали твои – врезаюсь непонимающим лбом...

Губы пересыхают, как египетская пустыня,
по которой – день и ночь идет караван моих мыслей...
Во сне по колючему снегу ногами босыми –
двугорбым верблюдом плетусь по тебе – Россия!

Очная ставка

Зачем ты здесь? – Ты ждешь сейчас ответа
Я требую! – С каких же это пор?

С тех самых пор, когда ты вышел летом,
Во сне однажды, погулять во двор.

- И что, есть в этом деле понятия?

Стакан компота да бухой сосед.

- А как же проходимцы и святые?

Таких, однако в твоём деле нет.

Вернись домой, твой ужин остывает!

- А ты вернешь мне мой любимый цвет?

Я все продам, но черта не бывает,

зато есть ты затем, что Бога нет!

- Ты с дуба рухнул? Нет переродился...

- Ты хочешь в глаз? Уж лучше под ребро!

- Ты не дорос! Я недовоплотился...

А все, что знал сосед, как мир старо.

- Твой замок пуст! А твой кафтан поношен...

Кусай гранит пока душа цела.

Ведь это ты запряг ее, как лошадь...

- Молчи, она твоею не была!!!

Ты жалкий гусь! Что, хочешь на Рублевку?

- Я все рубли на чудо обменял.

Ты знаешь, что с тобой живет воровка?

- Не знаю... Я вчера с Луны упал.

А что про Бога? Разве отменили?

- Нет это ты живешь не по любви!

Я ТОЛЬКО КОТ, А ТЫ «ИУДА» В МЫЛЕ...

- Да ты... Что я? Закупорка в крови?

«Прозревший глаз, окоченевший заяц...»

зачем ты здесь... Теперь хозяин — я!

Ты у меня теперь не будешь лаять,

а будешь ядовитым как змея...

[illegible]

Спит инок в келье – бес пришел не зря...

Счастье

Я живу –
в большом и красивом доме!
Где в каждом окне –
по солнцу,
цветы – на каждом балконе,
где мусоропровод
находится рядом,
чтоб сплетни
чужие выбрасывать –
с листопадом,
Где полдень и центр столицы,
где самые лучшие лица –
не бродят, с казенной улыбкой,
с украденной скрипкой,
Где все соседи святые,
мои золотые...
Не ходят налево,
А только за квасом!
За «яблочным спасом»
Все «миши» и «лены»,
у них – кастрюли мытые,
подмышки бритые...
коты знаменитые.
В молоке варятся,
к каждому ласться,
лапками тонкими,
ушками звонкими...
Не виснут компьютеры,
пароли не перепутаны,
не грузятся мегабайтами.
не живут гастарбайтеры...
Не варят суп из «ложных опят»...
И качели на детской площадке,
смазаны и не скрипят,

,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,,
Молятся всевышнему!

Притча

В поле стоять смоковницей, листья сушить на солнышке.
Выпорхнуть в небо синее новозаветным голубем.
Сниться себе Израилем, в море лежать медузою.
Ждать, когда поумнеют глиняные иудеи
Выползет к свету ящерка, небо в груди скукожится...
Будут ладони звонкими, будут тела горячими,
Море вот-вот расступится, в небе звезда отыщется,
и назовут «ревеккою» – чью-то ослицу верную,
будут под дубом шествовать – ангелы бесприютные
под маврикийским, солнечным, чтоб не гуляли демоны,
чтобы овца заблудшая – не потоптала хлебушка...
чтобы не гнали римляне – из синагоги на площади...
без фарисейской хитрости греет луна холодная...
и застревают сумерки в ветхозаветных терниях...
Нет у народа голоса – в жарких песках египетских...
Старцы зубами шамкают, в рабство обратно просятся...
Под ноги смотрят, на руки, нюхают розы царские,
дети, бывает, выбегут, смотрят глазами в небушко...
эхо в ночи теряется, люди не повстречаются...
только луна да солнышко, только луна да солнышко...

Перекресток

Перекресток жизни – напоминает крест;
из заборных досок, из мореного дуба,
из цыганских ночлегов, из отхожих мест...
Из ползущих по домам сплетен, из нафталиновой шубы...
Из ржавых гвоздей, которые в плоть забивает бес...
Из каши – из топора, но *истинной соли* без...
Из чужих рук с правильным ответом, которых – лес
Из невыплаканных слез, которых Красное море...
Из детской площадки, и варежки на заборе.
Из «мафии нищих» у стен Казанского собора...
Из тех, что сорят миллиардами,
но брата удавят –за рубль!
Из всех тех, у кого вместо души – болят зубы...

* * *

Мне снится лес, как дед голубоглазый...
Он никогда со мной не говорит.
Он смотрит – паутиной крепко связан,
А в черном небе – облако горит.

И тишина, без времени и места
по сучьям да по веткам – прыг да скок.
А под землей – грохочущая бездна.
И канонада листьев бьет в висок.

И шорохи ползущие, как змеи,
в клубок сплетутся – к речке побегут.
О, как слова – отчетливо немеют...
О, как они высокопарно жгут!

И мчится под землей товарный поезд,
неся в вагонах чувства, как гробы.
В которых дремлет мужественно совесть
В подкладке нашей – собственной судьбы.

Чтоб ты успел сказать еще три слова...
Те самые, что рубишь на корню.
Такой земной, как твой язык пунцовый,
(я видел это сам – сто раз на дню)

когда земля разбрасывала маки,
и грохотали в сердце соловьи –
ты положил заветный мир на плаху
и он пророс – в твоей густой крови.

Твой ДНК – самосознание, вывод
то, что не пишут – кровью на стене...
Мне снится лес, и в нем всегда есть выход
но он молчит – и страшно дорог мне.

* * *

Я тебя угадаю из всех,
Невозможных , июльских, пахучих
милых девочек, беленьких ручек,
у которых по жизни успех.

В синих джинсах любимых моих,
с яркой челкой, с зачитанной книгой
С недосмотренной Прагой и Ригой –
так свободно вошедшая в стих.

Перепутав абзацы и дни,
С этой бьющейся жилкой на шее
от мужских моих рук хорошея –
ты однажды окажешься в них!

В этом солнечном, огненном лете,
жарко губы друг друга найдут
и в такие поля заведут –
от которых рождаются дети.

Из-под яркой весенней травы,
ты протянешь ко мне свои руки
и я стану прозрачным и хрупким,
ярче самой любой синевы!

На поляне, на старом стволе,
Истекая березовым соком
мир потянется к нам одиноко,
самый лучший из всех на земле!

Сон

Мир выростал огромный и досрочный,
из сладких тел, из грубых оплеух...
О, как ты был к нему беззвучно глух,
в конце всех восклицаний, многоточий...

Когда неопалимым из огня,
ты вышел к звездам, терпкий и пахучий
а твой автобус – яростный попутчик,
летел к тебе, все пробки слов кляня!

Оранжевый, зеленый, неземной,
из детских снов, где дали голубые,
где по дворам не прут автомобили –
ты сел в него и сразу стал собой...

Чужим ботинком, разноцветьем рук,
оратором небесным, синей жилкой...
Твоя судьба отчаянной пружинкой
сказала – дзинь, и выпрыгнула вдруг...

В густые травы, там, где монастырь,
где под откос летят мотоциклисты...
Ты быстро гнал автобус серебристый
и вот приехал – на большой пустырь.

И понеслись авоськи и тюки,
попятись в тоске своей животной –
смыть прошлое водою прошлогодней
на берегу единственной реки...

Стихи по Фэн - Шую

Нежность:

*При нулевом балансе, на пределе,
с фастфудом в горле, без особой цели...
В общаге душной, с мокрой головой,
что поросла небесной трын-травой –
она хлопочет длинными ногами –
Мечтая о Харуки Мураками,,,,,,,,,,,,,,,,,*

Видишь, как я люблю тебя, уважаю,
несу по лесу в еловых ветках, в бусинках светлых –
душу твою в шелка наряжаю, целую. Не обижаю...
Мою кареглазую Шахерезаду
несу по первому ряду – обожаю!

Ты губами меня бередишь,
самым солнечным виноградом – летишь!
А я рядом - расстилаюсь сиреневым садом,
появляюсь хрустальным дворцом...
А ты все потом, да потом...

А потом мы перелетим через озеро, как гуси-лебеди...
Ты снимешь белое платье, обратишься в ласточку,
и порх, ко мне на кровать...
Видишь, как я умею тебя целовать-баловать...
В шелках с переливами – я тебя не умею терять...
А ты говоришь – я с тобой научилась летать...

Видишь – какие мы с тобой красивые, отражаемся в зеркале...
А завтра мы перейдем через Красное море,
и будем кататься в венецианских лодочках,
Ты будешь кальмары под водочку,
я буду твоим Иваном, мачо испанским, отпрыском царским,
древним Израилем. Самым желанным евреем в твоём дневнике,
колечком серебряным на смуглой твоей руке...

Ты трижды его повернешь – оп... и я появлюсь пред тобой,
вырасту яркой травой...
Мы будем сидеть под березами, читать поучения старцев,
которые вынесли время, и плечи у них не согнулись...
Ну, вот – и счастье под лопаткой проснулось...
И на желтых страницах от соуса чьи-то следы –
отражение ветхозаветной звезды...

Другу:

Да я тебе о том же все говорю...
Пойми, *ничего никому, кроме тебя, не надо* –
ни Бельгии, ни Белграда,
Ведь жизнь – конвейер тупой.
Ты лучше ей спой...
Как Франсуа Вийон, Проспер Мериме...
Пока в списке поднимут чье-нибудь резюме –
вся жизнь пролетит...
А девочка Маша, с длинными ножками,
захлопает ресницами и улетит...

Кстати... Она прислала тебе солнечную смску!

Без имени:

*плохое – НИКОГДА...
СЧАСТЛИВ ВСЕГДА!
СЧАСТЛИВ ВСЕГДА!
СЧАСТЛИВ ВСЕГДА!
ДА, ДА, ДА...*

Стихи – не предъявляйте мне свои паспорта! Все равно не открою...
А они «шу-шу-шу да шу-шу-шу», как подсевшие на анашу...
Мол, войдем ненадолго, еще посидим...
«Прошу!»

Они меня штопают длинной иглой

«Потерпи, еще один шов и головка твоя пройдет»

Я просил, чтоб они прекратили вытягивать мозг на своем голубом острие,
а они царапались ветками в мое окно, протекали, как старая крыша,
«Мол, потерпи - небольшая утечка мозгов за пределы твоей вселенной»

И уже не удержать руками плывущую над городом голову...

Я же им говорил, что лучше залечь на дно, и не высовываться...

Еще рано снимать швы с охрипшего голоса, рубцевать эти полосы,
кафелем пялиться в потолок...

Третий сон и четвертый звонок.

Тротуары, Москва, третий ряд.

Разряд и еще разряд...

Девочка Оля, которая не стала моей женой,
а стала чеченской войной –
самой острой иглой... ой!

Но голова плывет...

Сахар не мед...

Тоскующий по зеленому берегу маленький ослик, камикадзе-пилот...

Она все равно не поймет – Бог поймет...

Отчитает и даст молока –

а пока...

Снотворный укол – чтобы ты далеко не ушел...

Ой! Как сейчас хорошо, что никто не нашел...

Что никто не поймет, не запишет в анналах, на лбах попуасов,
что есть это нужно – СРАЗУ,
пока не остыла пицца.

Ведь стихи не успеют родиться,
а их убивают – ВОТ...

И птицы летают – заразы,
и смотрят космическим глазом,
как дом твой не падал ни разу...

Четвертый сон...

Ты говоришь, что никогда так ни с кем не целовалась,
над городом не поднималась...
А они про наркоз, а потом снова смотрят на свой монитор,
улыбаются, говорят, что остался – последний разряд...
И закончится стихотворенье.

Путь:

*Рыжий мальчик сидит с бубликом в руке,
С неба прямо к нему в руки слетает голубь и говорит:*

Руками жаркими, венами теплыми монахом,
грешником, ковчегом Ноевым, израненным голубем,
змеей подколодною, геенной шуршащею.
Из солнечного запястья – выпрыгиваю на свет туда,
где гора – Арарат, где Ветхий завет разбросал свои камни –
погреться на солнышке, ящеркой томною, новым Синаем –
остаться на донышке, на самом краешке – самосожженья.

*Рыжий послушник сидит на траве,
Говорит такие слова:*

о, Господи, как Ты тесен в моей голове...
Вылети из нее черной птицею –
злой старухой, кусающей воздух,
ибо я только плоть, телесная капсула,
в которой, кишат тараканы и гремучие змеи...
(а вчера еще сам рогатый, приходил
и требовал выкуп за мою бесценную душу),
О, Господи! которую сдает мне по часовой оплате,
в квартире с обоями рваными, с кошками драными...
у меня же пустые чашки, на которых гадали – бесы...
Я вообще ненавижу кофе, не читаю оптинских старцев,
у меня же – от них изжога... лучше воду пить из-под крана...

*Рыжий монах сидит на холме,
говорит такие слова и плачет:*

Что же я говорю? мой безбожный язык, как ошпаренный, лжет!
О, Господи! Гордость жжет, и под ложечкой сладко сосет,
в фиолетовом, ярком бреду...
Там внизу – копошится мир, люди бегают, умываются,
от работы в свободное время – каются.
Ну а я, весь облепленный сажей, ни разу не каялся даже...
В рот камней понабрав как медуза плыву в океане –
в электрическом страшном тумане...

*Старец седой стоит на горе,
говорит такие слова:*

Вижу Крест золотой –
над протухшей водой.
Он в туманы зовет,
и плывет, и плывет.
Накатила волна, -
Отойди, сатана!

*Душа праведного старца подлетает к воротам Рая.
Говорит такие слова:*

Снится сон, что я был крещен...
Бесы, ангелы, снится еще,
как я храм обхожу сторонкою,
в ярких сумерках –душу комкаю!
Боже, Боже – Ты знаешь все!
перечисли все грехи мира – на мой персональный счет...
и еще, и еще, и еще, и еще, и еще, и еще...

Все исчезает. Остается белое облако.

Свет:

Увидеть Твои обетованные глаза...
Синие, голубые, зеленые (не важно какого цвета)
Совершенно нездешний, я стою в рубашке из лета.
Дети играют, и я, раскинув руки, смотрю на все это,

а сердце мое, как взлетно-посадочная полоса...
Солнце слепит зеркала очков и стекла домов
и подъезжающий к остановке огненно-рыжий трамвай...
Мы проехали улицу «ад», следующая остановка «рай»,
(а что находится между, лучше не выбирай)
И сердце, как этот трамвай – переполнено до краев!

Я так долго шел и вел их сюда,
через Красное море, через пустыню Сахару;
фиолетовых, жарких, пахнущих перегаром,
(одного я купил, другого мне дали даром)
усталых, голодных, измученных без труда,

Все чемоданы, диски с любимым голосом, книги мои, все они
мирно покоятся в пыльной, забытой коробке.
Лежат, как бычки и смиренные божьи коровки.
Одному смешно, другому страшно, третьему часто неловко.
Только Ты, я прошу, обратно в пустыню их не гони!

- Господи, как же долго я их выбирал...
Не ел из Твоих рук, не пил с Твоего лица;
печеную сдобу «Улыбку», вечерний стакан варенца,
не касался губами Твоего серебряного кольца...
Я знаю – у Тебя каждый день АВРАЛ.

Дыхание:

Подняться на самую афонскую гору в мире!
Прожить тыщу лет у Христа за пазухой!
Целовать холодную землю в том самом месте,
где начинаются слезы – неправильные и громкие...

И даже не представить, что ты длинноволосый мальчик,
катающий яблоко по подбородку,
желающий самую эту... серединку,
вгрызаясь в гранит помутневший зубами – глазами.

Где светится солнечный камень,

обыкновенный, горячий, самый нетленный,
сладкий, тяжелый, синим клубком по полу,
шариком гулким по венам, прошибающий стены –
словом, ОБЫКНОВЕННЫЙ...

Матушкой –Волгой рекою,
всегда под рукою...
Шевелится в подсознании –ньютоновским яблоком...
Как на дознании, без адвоката...

Кибитки скрипят...
Но очень нужно успеть до заката –
с волами управиться, с нерешительным братом...
Пока земля кругловата и скулы тверды и упрямы...

Пока не выдали камни, пока не заржали кони...
Еще остается время – побыть на Твоей ладони...
Уже полыхает небо... И солнце в груди талисманом...
Пока все грехи в нашем море видны на Твоей ладони...

И солдаты разводят – костры,
тех лесов золотые шары...
И все ближе огни детворы...
И египетский знойный песок...
И пульсирует смуглый висок...
И пальцы катают стальные шары –
от прозрения на волосок...
сейчас придет Моисей,
и выведет этот народ из дыры...

Миг:

Время ждет продолженья сюжета, хмурит густые брови.
В большое зеркало в оправе из красного дерева, смотрятся двое;
красивые, пахнущие жизнью, лавандой и медом,
Падает снег с облаков, они готовятся к Новому году...

Стирают носки, ходят в тапках, не любят дотошных соседей,
она простужается, он бежит до ближайшей аптеки...
берет все, что нужно, оставляет на кассе ненужные чеки,
приходит домой отчего-то взволнованный,
растрепанный, другою не зацелованный,
она улыбается «Видимо любит, не бредит...»

Время, события срастаются в снежный ком...
Она смотрит в зеркало, как побелело в нем...
Но он ее держит за руку, обнимает за талию,
Укрывает ей ноги пледом, чтоб она не скандалила;
все сорок лет, каждый вечер – он греет дом.

Тлеет в подъезде сладкий табачный дым,
она уплывает под утро в его любимой пижаме,
на небо к брату, сестре, лучшей подруге и маме
и человек в первый раз остается совсем один...
Он читает Евангелие, чтобы с ума не сойти,
Потом пьет снотворное и мечтает ее спасти.

Всех кошек, собачек жалеет на каждом углу,
Садится в автобус, таращится в синюю мглу...
заходит к соседке обсудить свою театральную роль;
что вчера он был нищим, а завтра он будет король.

Сквозь тонкие стены, слышны голоса детей,
как много на свете колясок, машин и людей...
Какая зеленая в месяце мае бывает трава!
как годы проходят, увозят в тележках слова.

В квартире, как яблоко, гулкой, пустой и чужой,
Сидит человек, разговаривает с ее душой...

Про Фэн – Шуй:

Че, да че... да ниче... а такая страна...
слава Богу, не атомная война... тишина...
Расчет один к тридцати... А ты давай – позитив!

Не грузись тормозным процессором, все уже в виртуальной сети,
собирают баллы, скандалы, прокачивают персонажей...
Деградация прет в объектив... А ты давай – позитив!
Сделай селфи с кактусом дома... покури, подыми с балкона,
тетя Валя тебе не простит... А ты давай, мать ее, позитив!

И плевать, что прорвало трубу... Ты соседям о том... ни гу-гу...
скоро сами придут на твою поглазеть судьбу.
Девяносто из десяти... А ты давай –позитив!

Земля круглая – бежит по венам, шариком-попрыгунчиком,
счастливым везунчиком, розовой пантерой, девятым валом.
В туалете пахнет скандалом,
от твоих фотосессий в сети...
А ты давай – позитив!

Будь солнечным аксакалом, Ильей – Муромцем, слезшим с печи,
жуй, давай, калачи, не ворчи...
Настраивай дорогуший свой объектив –
сейчас полетим!

А что там предсказали врачи про твои вездесущие почки...
У них такая система,
что ни практика, то теорема –
ты, главное, не молчи...

А вчера мы катались в лодке, а завтра мы купим квартиру,
самую солнечную и новую, и во дворе обязательно будут дети
танцевать и петь по утрам и вечерам...
А у нас арбуз по девять рублей – килограмм...
ТРАМТАРАРАМ!

Вот такая петрушка – китайский Фэн –шуй отдыхает...
С каждым такое бывает...
И даже когда кризис среднего возраста, все сто из десяти.
И она не замужем и его не простит...
Он идет по трамвайным путям
и говорит сейчас себе сам - давай позитив!!!

* * *

Цветы кричали, жадно шеи гнули,
но руки пахли – медом и судьбой
пух тополиный плыл к тебе в июле
А жизнь стояла – и не шла под пули;
с лицом наивным и с открытым лбом.

А ты смотрел, как сосны в небо рвались,
И ждал, когда появятся стихи...
Они внутри, котятками толкались;
царапались, на яркий свет бросались
и лезли вон – из праздной шелухи...

Они пищали, топали ногами,
ко всем мольбам отчетливо глухи...
(Ты их не называл тогда стихами)
Но, замолкая утром с петухами,
Ах, как тебя хотели все стихи!

Живые, с посиневшими глазами,
Где глыбы слов *небесно* тяжелы;
одни цвели бесстыдно под ногами,
другие грязь месили сапогами...
А третьи, третьи... ну а третьи сами –
заглядывали в темные углы.

Но в жизнь уткнувшись – жаркою сиренью,
Сейчас в июле, эту жизнь любя!
Ты вдруг поймешь все, все стихотворенья...
Точней, *из всех, из всех* стихотворений
на яркий свет ты вытащишь *себя*...

GAME OVER

(в пер. с англ. «Конец игры»)

Из записок гения:

*Скажите. Вам приходилось врать?
Не знаю. Никогда не думал об этом...
А вы когда-нибудь говорите правду?
Извините, мне некогда...*

Он сидит на горе, выше самой высокой горы...
Он прошел лабиринт, но завис в середине игры...
Он бросает копье, а оно превращается в льва.
Розы пахнут грозой, у него вместо рук – голова

У него нет проблем, он их носит в чужом рюкзаке...
У него тыщу глаз, но один утонул в молоке.
У китайских границ, где «GAME OVER» еще не конец –
он убьет чудо – льва, а потом превратится в свинец.

Тыщу лет старый снег на полях Вечной Книги лежит...
Он простой персонаж, под полоскою жизнью бежит...
Он считает углы, скоро станет квадратом к утру,
Воскресает тот лев, но весь мир утекает в дыру.

Засмотрелся на льва, обронил золотое руно.
Перегрузка сети, он на родине не был давно.
У кисейной реки, у молочных ее бережков,
он козленочком стал, очутился в стране дураков.

Он – тупой самурай, напоследок упавший в траву,
после всех этих битв – прямо в пасть к семизначному льву.
Но погас монитор, только смотрят глаза из дыры...
Над Гренландией – ночь. И «GAME OVER» в начале игры.

Рана

Она сидит на краешке недоеденной мысли,
на жаркой букве – говорит по зеленым душам...
Переварив в желудке солнечный, малиновый шар –
она над тобой, как земля израильская, повисла.

Ветки железные, бутылка и два апельсина,
сейчас взорвутся на красномудром твоём языке...
над целофанновыми пузырьками невыносимыми –
это Россия на твоей украинско-сирийской руке.

Катится, катится, дурочка, к нам не докатится.
из одной колеи праздно шатаясь в другую...
Как теплая медсестра на закипевшей кровати –
жаркими ляжками пузатую душу бинтует.

А на краешке буря и люди – душные звери,
о суету расшибают разноцветные головы...
По полу катится горошкообразная ересь,
рыбы бьются об лед, жалит голодное золото.

Валенки мыши прогрызли, выползли на Божий свет,
с розовыми ушками, горячими брюшками.
А умные говорят – Здесь дураков нет!
А она – жизнь, сидит на краешке и всех их слушает,
политическим шрамом на черном теле горит.
Говорит да кушает...
Кушает да говорит...

« Я вас сейчас утоплю, как котят в молоке!
Вытащу утром за красные уши на небо! »
Снится лиса, и дурак едет на дураке,
и тишина повисает на доньшке мякотью хлеба.

Ночью вслух

Мне казалось – вещи можно не трогать...
Не переиначивать их – первостепенный смысл.
Но люди иногда встают рано утром и собирают вещи,
которые и на прежнем месте хорошо стояли.

А сегодня – иди не побрившись, туда, где живет – полоумное существо...
И цветы на окне – покрываются медленной сажей.
Я тебя не хочу, и ее – не хочу, и его –
потому что вы все – отражение сумерек ваших.

Потому что вы все – чемоданы, смартфоны, стихи –
Только краешек мысли, расколотый посередине....
Потому что кровати – так часто рожают глухих...
Вместо букв изо рта – достают семизначные числа.

Ну, а люди живут, и летят, и плывут, и хотят.
Только ты, только я – словно пара испанских котят.
На расшитом ковре мы резвимся, с клубком этим синим.
Не в Советском Союзе, и даже не в этой России...

На земле, без асфальта, без дворников и полицейских –
размотали клубок, а убрать за собой – не убрали.
И кричат воробьями – все школы, детсады, лицеи...
Словно мы их с тобой – обескровили и обокрали.

*Словно глагол – жизнь, это, вдетая в нитку иголка...
Скользит по кровеносным сосудам, притупляясь с каждой новой стеной.
А я вчера понял, что жить нужно так, чтобы каждую секунду
тебе хотелось кого-нибудь придушить,
или приласкать... И чтобы рядом непременно – был
поручень, который удерживал бы тебя от этого.*

Мне вчера показалось, что я был – королем синих спален,
летел, как от шампанского пробка – под потолок.
А ночью вода из-под крана говорит по-испански...
И кошка одна-одинешенька ищет свой уголок.

Бессонница

1

Я не знаю
твою электронную почту...
Ты должна позвонить мне,
сейчас же, срочно...
Из Москвы, из Китая –
откуда хочешь!
Я увидел во сне,
тебя прошлой ночью.

Я убил бы тебя,
как медузу-горгону,
в пятом сне, чтоб потом –
воскресить – в миллионном...

Но по веткам листва
Так ползет
этой ранней весной...
Я забыл все слова,
Чтобы вырасти
в небо сосною.

За бессмертие наше,
за липы
в простуженном парке...
Я назвал тебя Машей,
потому что
мне Олечку жалко.

У нее «мерседесы»
сто раз на обед –
и на ужин...
Каждый знает, что он –
только Маше
на свете и нужен.

Она сварит борща,
И согреет своими ногами...
Та же самая разница между –
«Сейчас» и «щас»
Только в том,
что второе всегда
произносится нами.

2

Зачем каждую ночь я пытаюсь объяснить тебе смысл одного стихотворения, которое ты знаешь лучше меня?

Я не знаю, почему оно до сих пор не напечатано, и лежит отдельным файлом в твоей голове... Может быть, потому что оно не для всех?

Как фотография, которую я недавно обнаружил между книгами. На ней я стою с зубной щеткой в руке, и глупо тебе улыбаюсь...

3

А еще была Лена,
С иностранцем вела переписку...
Мечтала о том,
Чтоб скорей укатить в Сан- Франциско.
Не зная зачем
так много китайцев в России
Она одного из них,
под сердцем носила.
А по осени будут цыплята,
И море пшеницы
Кожа яблока чуть розовата,
а может все снится...

4

Одному моему знакомому недавно приснился странный сон: ему приснилась супруга последнего российского императора Александра - Феодоровна.

«Она вся в белом; рассказывал он – шла по колючим шипам,

которые ранили ее ноженьки, и вела за руку цесаревича Алексея.

Удивительно, но шипы его не касались. Больной гемофилией наследник престола, шел, и его улыбка сияла, как солнце. Внезапно лицо мальчика нахмурилось, небо побагровело, с разных сторон идущих окружила пьяная толпа и бешено завопила: «Распни их, распни!!!»

С неба с оглушительным свистом стали срываться звезды, а на месте их падения образовывались черные бездны. Царственные мученики шли и творили молитву за своих убийц. «Господи, прости им! Ибо не ведают, что творят!»

5

Вся жизнь – игра...
Не ходи со двора!
Я сижу в крапиве –
самый счастливый...
Не знаю ни тебя,
ни девочку Олю
которая была блондинкой,
и плохо училась в школе.
Но помню зеленые стены
и помешанную на детях
некрасивую Лену.
Она сама была готова –
прыгнуть в люльку...
Только бы ее китаец
не смылся в Акапулько.
Потому, что все дети
играют в прятки,
и с координацией
у них не всегда
все в порядке.
Вот цесаревич Алексей -
ушиб свою ноженьку –
и захныкал – Боженька!
А вокруг первая мировая...
Что же, ты деточка –
не спас – Царя Николая?!!

А вчера мы плясали вприсядку
и все было у нас в порядке.
Жили мы при царе,
жили мы при союзе
И нигде не жилось,
А сейчас... понеслось!
Кто на ощупь, кто вплавь,
Боже, нас не оставь!

Но еще есть твоя –
электронная почта...
в красных гроздьях рябины...
в темно-синем кошмаре,
приснившемся ночью...
Я не стану – Сережей
Потому что не нравился Оле,
Я хотел бы, о Боже,
Чтоб ты взял
и назвал меня – Колей.
Вся твоя электронная почта,
в моих кровеносных сосудах,
в зеленеющих строчках
(Я ее никогда не забуду...)
Из Твери, из Китая –
Из дождливого Петербурга
Появись, заклинаю,
Стань кошкой –
по имени Мурка!
Чтоб мурлыкала ты,
а я б тебе жарил котлеты...
за эти глаза,
что кофейного цвета!
И еще... за прекрасное лето...

Однажды мне нужно было придумать новый пароль для твоей электронной почты (ты всегда все забываешь!) и я вставил в него наши с тобой имена... Чтобы не забыть уже *никогда*...

А Лена вчера улетела в Канаду,
Поменяла фамилию, Родину
так ей, безродной, и надо!
Не родить нам с такими - Царя!
Илью Муромца, богатыря

Ну а Ваня, как кот...
Только вертит глазами...
Эх ты, Ваня, проглот –
сделал Маше живот -
вот и сдал свой экзамен.
Ни цветочка ни дал –
хоть бы с клумбы украл?!
Ну, а Маша-краса,
опустила глаза.
Тянет в гору обоз,
еще ты сел на воз.
Эх, Ваня, Ваня -
Змей Горыныч поганый!
Всю жизнь на диване
пролежал ты Ваня!
Что ж ты сделал с Машей -
с русской нашей?

11

Так вот... О чем я хотел сказать? Да все о том же... Что жизнь, это всего лишь попытка назвать вещи своими именами; добро – добром, любовь - любовью, кошку - кошкой...

И не важно, что ты не любишь, есть мороженое зимой – его продают круглый год... Тебе надоело жить в нищей стране? Знаешь пословицу? «Где родился, там и пригодился...» И это *данность*. Все остальное – *шкурный вопрос*...

12

Ведь любая женщина-мать
мечтает о мальчике
со счастливой звездой.
Но боится рожать
и ложится с мужчиной в кровать,...
Чтоб ему о луне рассказать,
о стихах, о Шекспире, о том,
что творится с ее животом.
И мужчина, ломая кровать –
с целым миром идет воевать.

13

Цесаревич Алексей –
Тебя ждет народ!
Что толпится всю жизнь –
у закрытых ворот.
А цесаревич ножку ушиб –
«Ой, больно!»
А тут еще гемофилия –
Несвертываемость крови...
Господи!
Россия!
Как больно!

Пусть у Оли -
креветки и яхты на ужин...
Каждый знает, что он –
только Маше
на свете и нужен.
Она лютой зимой,
нас согреет своими ногами...
Ах, Маша, Маша –
устала ты жить с дураками!
Вот и ты нам звезду родила –
с голубыми глазами,
с волосами цвета воронова крыла.
Я хочу, чтобы ты –
до бессмертия дожила!

P.S.

Ведь твоя электронная почта,
в моих кровеносных сосудах,
в зеленеющих строчках
(Я ее никогда не забуду...)

,,,

Переписка с неизвестным

*Стихотворение не надо объяснять...
Его надо нащупывать,
как пульс на руке больного.
Но вот из-под земли
они растут опять,
задыхаясь от небесного слова...*

1

Автор:

Ты мое «не хочу»,
невозможное «да»...
Я тебя не лечу...
Ты со мною всегда.
Разрастаешься вглубь,
пробираешься в мозг...
Я с тобой – слишком глуп,
без тебя – слишком прост.

2

Один человек рассказывает свой сон...

«Он сидит за рулем автомобиля и смотрит на непрекращающийся за окном ливень.

Она: (обнимая его с заднего сиденья) Ну, вот и все...

Он: Неужели все???

Она: Да. Теперь все...

Он: Мы больше не увидимся?

Она: Никогда...

Он: Мне лучше не оглядываться?

Она: Да...

Он чувствует как ее руки отпускают его шею. Хлопнула задняя дверь авто.

" Лучше не оглядываться"

Ливень становится сильнее...

" Лучше и правда не оглядываться"

Он просыпается... Подходит к окну. За окном летний дождь.

3

Она:

«Дотянуться к тебе –
Никому не отдать!
Если хочешь – убей!
Я не буду рыдать!»

Он:

«Улыбайся, кричи –
Это дом без огней!
Если хочешь – молчи!
Я не буду о ней...»

Автор:

А ты забыла, как во мне всходила,
а ты не знала, что во мне цвела...
И занавеска в комнате остыла...
а ведь когда-то яркою была.

4

Из записок одного дня

«Когда в душе идет дождь, трудно определить, в какую именно минуту он начался – сегодня или вчера... Люди за окнами ходят с зонтами, просто-напросто не замечая, что дождь идет в их душах, в то время, как в окружающем мире по-прежнему солнечно и ясно...»

5

Автор:

Он за облаком, ты за стеною...
Там на крыше – мечтатель живет...
«Допивай эту чашу со мною,
И дожевывай свой бутерброд...»
Я тебя не зову на раскопки –
В черноту наших праведных душ...
«Передай-ка мне соли щепотку,
Да отведай варенья из груш...»

6

Из ночных наблюдений одного городского Фонаря

«Я им светил всю ночь, но люди были так слепы, что даже не видели того, что я пытаюсь сделать их жизнь чуточку светлей... Они целовались под моим светом и боялись, чтобы их кто-нибудь не заметил. Я чуть не умер от смеха!»

7

Автор:

Стихи ночью –
внезапный поток свежей воды
из - под крана сознания...
Небесные, полуземные;
И ты расширяешься до –
Абсолютной ПРОЗРАЧНОСТИ,
как зеленая ветка – проглотившая синеву...

Например, такие:

Золото твоих слов -
музыкой моих снов!

Листья твоих губ –
криком органных труб...

Небо твоих глаз -
только один раз...

8

Записано со слов человека, наблюдающего ночью за городским фонарем

Когда смотришь в окно, в осеннюю темень – хочется стать фонарем, дрожащим на ветру. Потому что так хочется.

И этому нет вполне логичного и рационального объяснения, как невозможно прокомментировать подступивший к горлу приступ нежности, от которого возникает страшное, непреодолимое желание – обнять этот мир.

Прикоснуться к нему щекой, а потом – разрыдаться от знакомой мелодии, которая много лет жила в твоём сознании, и вот только сейчас ее звучание удивительно совпало с твоим настроением и ...с этим фонарем на осеннем ветру, который, буквально, каждым своим железным нервом трясется за этот хрупкий мир.

А потом ты закрываешь глаза и думаешь, что хорошо, вот так стоять у своего подъезда и смотреть на фонарь. Интересно, а что будет, если подойти к нему поближе.?

А потом ты попадаешь в желтое пятнышко света, от которого тебе становится невыносимо сладостно, как будто тебя обнял любимый человек, о котором ты мечтал всю жизнь, неожиданно провел по твоим волосам своей мягкой ладонью и прошептал... *Ну, как, сейчас хорошо?*

9

Он:

Глубоко, высоко, далеко...
В твоём голосе - свет облаков...
В твоём городе - крики огней,
Я пропитан - молитвой твоей.

Она:

Позвать твои руки в небо -
лбом упереться в твой голос...
ночью волос твоих — бредить,
снами твоими думать...

10

Из письма философа к поэту

«Друг мой... Почему иногда ты не можешь понять, что мир, которым ты так дорожишь - это еще не все? Это только – шаблон, который ты перерисовываешь по-своему. Это рамки, в которые ты пытаешься вставить свой голос, ну, или хотя бы – одно стихотворение. Если получится.

А оно ведь может, *не получится*. Мир, который, на первый взгляд, *принадлежит тебе* – это только *вдох*, точнее его *начало*. Это некая субстанция, от которой, как бы отталкивается твое сознание. А дальше уже другой мир – твой личный, которому *принадлежишь ты*. «

11

Из ответа поэта - философу

«Стихотворение, как снег,
который выпал этой ночью...
Ты чувствуешь его во сне,
сквозь форточку – в растаяв в строчку.
Ты чувствуешь его – легко,
как чей-то голос посторонний...
И вот он – радостный укол –
...кусочек неба, крик вороны...»

Записано со слов мудреца

Вся твоя жизнь – это луч света, который однажды пронизывает тебя и уже потом ты не можешь избавиться от этого света всю последующую жизнь.. Каждое мгновение жизни следовало бы поставить в рамку (если бы это было возможно), повесить над своей кроватью, и каждый день начинать с этого...

Автор:

Отрываю тебя от земли...
 Ты не бойся, мы падать не будем...
 Нас с тобою от неба спасли –
 приземленные, хитрые люди.
 Ни цветов под ногами, ни звезд,
 ни трамваев, ни ломтика хлеба...
 Этот мир так безоблачно прост,
 что не помнит, как выглядит небо.

Рассказывает жизнь

«Представим себе такую картину. На берегу стоит человек и смотрит на волны взбунтовавшейся реки. Конечно, вы скажете – «Что за чушь? Не в этот раз!» Но, давайте все-таки представим.

Значит – стоит человек на берегу этой самой реки и наблюдает за происходящим. Река шумит, топит лодки и большие суда – а человек все стоит и смотрит, и ничего не предпринимает. Вот уже мимо него проплывают крыши домов, машины, сломанные деревья, люди и животные – а он стоит и не двигается. А еще мимо него проплывают разные там вывески с надписями типа «ЖИВИ НА ЯРКОЙ СТОРОНЕ!» Или «БЕРИ ОТ ЖИЗНИ ВСЕ!»

А вода все прибывает. Вот уже вода вышла из берегов, вот уже коснулась подошв человека – а он стоит. Вот она уже по пояс – ему хоть

бы что. Вот уже вода подступает к горлу – человек стоит. Что он – смерти не боится? Вот вода накрывает его с головой... Вы думаете, он утонул? Ну, предположим, что утонул. Но, зачем мне тогда вам об этом рассказывать? Этого в новостях полно.

Так вот – значит, вы утверждаете, что он утонул? «Да ничего мы не утверждаем!» – ответите вы дружным хором. Просто человека жалко. Человека? «Ну да...» А кто вам сказал, что это человек? Это ПАМЯТНИК! *Вам люди, следовало бы относиться друг к другу более гуманно...»*

15

Она:

В уплывающем сне,
на апрельском снегу,
На траве, на войне –
без тебя не могу!

Он:

В полусонных домах,
что ослепли в пургу,
Как бездомный монах –
без тебя не могу!

Автор:

Небо... Закрываю дверь,
и себя почти не слышу...
Ночь... В окно скребется зверь,
девочка стоит на крыше...
Тише, тише за стеной –
беспокойный гость со мной...

Плачет девочка, дрожа,
Эта девочка – душа!

16

Из диалога двух странных людей...

«Ты веришь в правду? А что это такое? Это когда ты смотришь на небо и видишь, какое оно красивое, и тогда ты веришь, что там действительно что-то или кто-то есть...А как я узнаю – правда это или нет?

А ты посмотри в мои глаза... Зачем мне смотреть в твои глаза? Ну, просто посмотри. Вот так? Ну, смотрю... И что ты там видишь? Я вижу зрачки, немного расширенные... Да, ты не на глаза смотри... А куда же? В глаза. Видишь, что там? Я вижу облака... Уже лучше. Еще что видишь? Я вижу небо... Хорошо! Продолжай! Я... Я вижу себя! Я вижу себя! Значит, я правда существую! Теперь ты понял, о чем я тебе говорю?»

17

Из чужого черновика

Мир хлопнул форточкой,
поймав меня на вздохе,
стихотвореньем, бросив на снегу...
За все Твои приснившиеся строки,
которых записать я не могу.
И где-то люди выглядят, как боги,
и спят их души в розовом снегу...
А я лежу – свободный и глубокий,
и даже руки – вытянуть могу...

18

Из воспоминаний одного человека

Я отчетливо помню, что дедушка был *всегда*... Потому что это чувство – родственности, привязанности к прошлому всегда как бы

опережает твою жизнь на три шага вперед. Это необъяснимо... Это понимаешь – на импульсе.

19

Из переписки двух деревьев

Приходи к моему лесу,
в нем каждый день – солнце.
Прикоснись к моему лбу –
в нем столько попыток счастья.
Останься... Давай зароемся в небо...
Мы будем просты, безоглядны, прозрачны...
Как листья без веток, как дети на даче -
мы будем снежинками первого снега.
Нас ветер укроет, нас птицы разбудят...
Мы будем богами, мы нищими будем -
и в небо... и в небо.

P.S.

<.....>

* * *

Дай мне Евангелие в руки,
Открой страницу наугад
Я думал все живое – мука
А что не сущее, то – ад.

Дай слышать голоса пророков,
когда споткнувшись о порок,
увиджу вдруг Живого Бога...
И не узнаю, что он – Бог.

Крик

Россия – рана любви ножевая...
Полубессмертная, полуживая.
Полубездомная, полуродная.
Полусвоя и получужая.

От Сонечки Мармеладовой до Эпикура –
над головою бомжа в урну летит окурок.
За проституткой – ночью нырнул в переулок маньяк.
Ее тело на белом снегу, а она в облаках –

сидит на небе и болтает полными ножками,
облизывает наманикюренные пальчики.
Пьет из горла виски и кричит ангелам мальчикам
«Эй мажорики, куда делся Ваш Боженька?»

В России за правду вилами! За крест примут смерть, поверьте!
Но в США – Трамп побеждает Хиллари! И это сильнее смерти!
А что касается женщины, которую заставляют сделать аборт...
Порядок извечен... Ей говорят, как умной собаке – А-порт!!!

А как схватишься, так и покатишься!
С жиру, с голоду – вновь на капища...
«Где вы, волхвы? Далеко ли до неба?»
Звездочка нервная в памяти снега...

Мальчик-мужчина давно на боку –
видит десятый сон. Мерси - боку!
Девочка с красивыми бедрами,
мудрая женщина, но вряд ли гордая –
держит его много лет, как партийный билет,
за причинное место... «Ни с места!»

С американской улыбкой, да в пресловутой клетке.
Лучше мерзнуть красногрудкой на ветке!
Лучше мордами всех об асфальт их!
Главное вовремя свечку поставить...

Разноцветные шарики в солнечном скверике...
Жизнь проезжает на «Хаммере», а он мимо нее – на велике.
Мечтатель о чуде с расстроенными тормозами...
Жизнь поет в три октавы, но кажется, переборщила с низами.

Желтым экскаватором память вгрызается в грунт.
Копнешь, а там – лиха с фунт...
Все хорошее себе, остальным пусть подавятся волки,
любовь – шариком в небо, остальное – в книгах на полке.

Родился в Париже, а вырос в Воронеже.
От невысказанных обид на душе образуются пролежни.
Переливаются ценники – ошпаривают кипятком.
Посидел пять минут среди умных – и стал дураком.

Из хлеба выдавливая мякоть спелую,
тащат Россию – блевать к унитазу, за груди белые...
Орды богемных неандертальцев –
к лакомому кусочку тянут жирные пальцы.

«Опомнитесь, господин Достоевский!
Покурите с нами травку мира, товарищ Тютчев!
Умом Россию не покалечить, но можно измучить!
Историю стерпит бумага, а история нас если б...»

Если выстрелишь в сердце России –
то прямо в храм попадешь.
Господи, Во имя Отца, и Сына,
и Святаго Духа! Убей в нас ложь!

А Ромео, который держится за юбку мамы –
таращится в небо, которое шлет ему телеграмму...
От девочки, которой уже не больно –
«Прощай любимый, я сегодня убила ребенка!»
Какие ночью красивые звезды!
В глазах у Бога – женские слезы!

Десять секунд

Мне до сих пор иногда еще снится, как я просыпаюсь в промозглое сентябрьское утро, открываю глаза, в которых запечатлены последние кадры уходящего сна, (но и они уже улечиваются в открытую форточку), и понимаю, что это - конец света, который мне необходимо пережить в следующие десять секунд, ибо дальше будет еще труднее.

А я все лежу и даже не думаю с собой бороться. Потому что в эти первые десять секунд – ты самый настоящий, самый легкий и прозрачный.

Потому что еще не успел ни о чем серьезно задуматься. И вот ты лежишь и слышишь, как там - за темным окном – уже шумит мусоровоз, надрывается и рычит, выдыхая клубы синего дыма, и ты точно знаешь, что сегодня все как обычно - он начнет с соседнего дома, а закончит – твоим.

И от этой мысли тебе ХОРОШО. И эту радость ты чувствуешь – на расстоянии вытянутой руки. А за окном, через дорогу, пахнет свежим хлебом, потому что там его всегда продают.

И очень скоро ты услышишь, как к ближайшей остановке подъезжает троллейбус, и людские голоса постепенно наполняют этот проснувшийся мир – смыслом.

И становится так радостно, будто эта радость прорастает в тебе где-то там внутри и, наконец, вырывается наружу всей нежностью и теплотой этого еще неосознанного мира.

Ну, а потом твой сосед-алкоголик снизу опять включает невыносимую музыку...

Твои драгоценные десять секунд – кончились.

СОДЕРЖАНИЕ

Три стихотворения.....	3
«За эту ночь в сентябрьском дурмане...».....	4
Люди.....	4
«За эти руки пахнувшие медом...».....	5
«Август – вдохнешь с затяжкой».....	5
«То ли осень как сладкая дыня...».....	6
Ночной стишок.....	6
«За дверью – снег.....	7
«Ты никогда такой не снилась мне...».....	8
Разговор по душам.....	9
Городской романс.....	10
Постскриптум.....	10
Девушка в ночи.....	11
Голоса.....	12
«По весне – ухожу в твои чащи, как будто в запой...».....	13
Очная ставка.....	14
Счастье.....	15
Притча.....	16
Перекресток.....	16
«Мне снится лес...».....	17
«Я тебя угадаю из всех...».....	18
Сон.....	19
Стихи по Фэн – Шую.....	20
«Цветы кричали, жадно шеи гнули,...».....	29
GAME OVER.....	30
Рана.....	31
Ночью вслух.....	32
Бессонница.....	33
Переписка с неизвестным.....	40
«Дай мне Евангелие в руки...».....	48
Крик.....	49
Десять секунд.....	51